

Бьянка Питцорно родилась в городе Сассари на острове Сардиния, а живет и работает в Милане. С 1970 года она пишет книги для детей и подростков. У нее вышло уже больше сорока книг, многие из которых имели огромный успех. Бьянка Питцорно считается самым значительным итальянским автором, пишущим для детей в наше время. Ее книги переведены и издаются во Франции, Германии, Испании, Греции, Польше, Венгрии, Корее и Японии. Бьянка — Посол доброй воли ЮНИСЕФ. После окончания университета, где ее выпускной работой стал диплом по доисторической археологии, Бьянка переехала в Милан и поступила в Высшую школу медиакоммуникаций на специальность «Кино и телевидение». Несколько лет она проработала на итальянском телевидении, вела программы о культуре «Знание» и «Все о книгах» и передачи для детей «Кто знает того, кто знает?» и «Говорилки», стала одним из авторов «Голубого дерева». У Бьянки Питцорно есть также пьесы для театра, сценарии, песни. С 1970 года, когда вышла первая ее книга, она почти все время пишет. В книгах Бьянки всегда присутствует глубокое нравственное измерение, а дети легко узнают себя в ее героях. Самые известные ее книги для малышей — «Когда мы были маленькими», «Джулия Гав и Феликс Мяу», «Хлорофилла с синего неба», «Кукла алхимика», «Живая кукла», «Дом на дереве», «Школа для Лавинии», «Тайный голос», а для читателей постарше — «Послушай мое сердце», «Диана, Купидон и Командор», «Удивительное путешествие Полисены Пороселло», «У царя Мидаса ослиные уши», «Торнатрас».

С Софи я болтала по-французски
и иногда расспрашивала ее о родине;
но у нее не было дара ни к описанию,
ни к рассказу, и она обычно давала
такие краткие и неопределенные ответы,
что они могли скорее отбить охоту
к расспросам, чем вызвать ее.

Каррер Белл

Памяти моей матери.

*А также Лалли, которая показала мне
великое Саргассово море.*

Предисловие

Самое большое искушение для писателя — взять своих персонажей и поместить в знаменитую, всем известную историю. И делается это вовсе не потому, что у автора «нет своих идей», а — из любви. Если в детстве или в юности, в начале нашего читательского пути, мы полюбили какую-то книгу, ее сюжет и героев, то разместить рядом с ними собственные творения — значит приблизиться к автору, который нас очаровал и увлек, вступить с ним в тесные и глубокие отношения. Это одна из привилегий тех, кто сочиняет и пишет истории.

Бьянка Питцорно создала множество собственных историй. Но на этот раз придуманные ею события в какой-то момент пересекаются с сюжетом знаменитого романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр».

Действие книги Бьянки Питцорно происходит во Франции 1830-х годов, в период Реставрации после Великой революции, когда условия жизни французского народа стали существенно тяжелее: аристократия вернула себе былые привилегии и былую надменность,

в стране, как и почти во всей Европе, заново утвердился монархический строй. А бедняки так и остались бедняками, притом утратили то единственное, что на несколько лет дала им Революция, — звание граждан.

Софи, главная героиня романа, принадлежит к беднейшим — тем, кто живет в нечеловеческих условиях, едва сводя концы с концами. Ей повезло, она научилась читать и писать и развила в себе любовь к познанию еще до того, как ее отец, типограф, погиб на баррикадах во время одного из народных восстаний. Яркие живые описания, проникнутые атмосферой того времени, — кажется, будто читаешь Диккенса или кого-то из французских авторов XIX века. Пропасть между слоями общества настолько глубока, а социальные проблемы настолько серьезны, что в сравнении с ними все наши сегодняшние сложности кажутся не стоящими внимания. Писательница досконально знает наряды описываемого периода, стиль жизни, язвы общественного устройства, культуру, политику. Она воспроизводит все эти признаки эпохи с поразительной точностью и непосредственностью, что делает повествование достоверным и одновременно рельефным и выразительным.

В центре романа — женские образы, однако нельзя не упомянуть и Гражданина Маркиза, аристократа и революционера, создателя вдохновляющего «детского Парнаса» — школы, в которой юным аристократам, буржуа и маленьким оборвышам — всем детям, вне зависимости от социального положения их родителей, предоставлены равные возможности для познания и для развития собственной личности. Даже после своей смерти маркиз де ла Поммельер, как *deus ex machina* — «бог из машины», помогает героям выйти из коллизий,

достойных самого остросюжетного приключенческого романа.

Крестница Гражданина Маркиза, звезда балетной труппы парижского театра Опера, замужем за таинственным англичанином по имени Эдвард — или, по-французски, Эдуар, — окруженным еще более таинственными связями. Он дарит Селин не только дочь Адель, но и чернокожего мальчика-раба, купленного на Ямайке. Мальчик носит имя героя гаитянского восстания против французского владычества — Туссена. Судьба разлучит мать и дочь, но рядом с девочкой останется ее ангел-хранитель, няня Софи, которая последует за ней в мрачное имение Торнфильдхолл, принадлежащее сэру Эдварду. Именно там девочки повстречаются с гувернанткой по имени Джейн Эйр, героиней романа Шарлотты Бронте, и проживут с ней под одной крышей почти год. Эти главы дают нам ключ ко всему роману. Чтобы войти внутрь чужого произведения и развить идеи другого автора, которого уже нет на свете, нужна изрядная смелость. Джейн из романа Питцорно удивительным образом сочетает в себе черты живой женщины и литературного призрака.

А еще в этом романе много писем, коротких и длинных. Они позволяют с помощью особого стиля, свойственного эпистолярному жанру, изящно и лаконично изложить хитросплетения сюжета.

В конце романа все сложности стиля и повествования разрешаются с необычайной легкостью, а в сердце зачарованного читателя остается глубокое и теплое чувство.

Валерио Массимо Манфреди

Во Франції 1830-1837

Сиротка и Балерина

Глава первая

1

ПАРИЖ, УЛИЦА СЕНТ-ОГЮСТЕН, ДОМ ФРЕДЕРИКОВ,
30 МАЯ 1837 ГОДА

Мадам,
умоляю Вас, не тревожьтесь о судьбе Адели. Ваша дочь со мной, в безопасности: никто не причинил и, обещаю, не причинит ей зла. Поверьте, несмотря на мой юный возраст, я смогу позаботиться о нашей крошке и убереечь ее от любой опасности. Поэтому думайте не о нас, а о своем здоровье и о том, как лучше разрешить Ваши трудности.

Моя дорогая мадам, надеюсь, что Вы очень скоро сможете прочитать это письмо. Мне неизвестно, куда Вас отвезли, но Туссен обещал сделать все возможное, чтобы выяснить Ваше местонахождение. К счастью, прежде чем ему пришлось покинуть дом, мы с ним

успели переговорить и условиться, как будем поддерживать связь. Эти бешеные псы — не знаю, как еще назвать племянников Вашего крестного, — считают его своей собственностью, вещью: будто он картина, ковер или кровать с балдахином. Или лошадь из конюшни Жан-Батиста. И все это лишь потому, что у Туссена черная кожа и он не смог предъявить подписанную Вами бумагу о своем освобождении. Мы судорожно искали ее в ящиках секретера, пока племянники грабили дом, не проявляя и тени уважения к усопшему дядюшке, — а ведь он все еще лежал в своей комнате на втором этаже. Бедный Гражданин Маркиз! И часу не прошло, как наш друг и покровитель закрыл глаза, а его благородные родственники уже набросились на нас, точно звери, не оставив ни времени, ни возможности оплакать его, как он того заслужил своей великой добротой и любовью.

Мы с Тусси были уверены, что документ находится в третьем ящике справа, вместе с дарственной месье Эдуара, который подарил Вам Тусси восемь лет назад, вернувшись с Ямайки. Туссен просил Вас сохранить его вольную у себя, помните? И Вы тогда же показали ему, где она лежит — вдруг она понадобится ему в Ваше отсутствие. Но все ящики секретера оказались пусты. И все остальные бумаги, письма, деньги, Ваши драгоценности — тоже исчезли!

Была еще самая первая дарственная, 1829 года, — та, что удостоверяла Ваше право на владение «чернокожим рабом лет девяти, уроженцем Вест-Индии, по имени Туссен Лувертюр Дешатр Лакруа», но мы и ее не нашли: она завалилась на дно секретера. Ах, если бы мы вытащили ящики и поставили их на пол, как сделал

спустя полчаса виконт Лагардьер! Тогда мы бы сами ее обнаружили, спрятали или уничтожили, и Тусси пользовался бы сейчас всеми правами свободного человека. Но, к несчастью, дарственная оказалась в руках племянников Гражданина Маркиза.

Не обращая внимания на наши возражения, как и на возражения всех слуг, наследники заявили, что эта бумага, за неимением других документов, — единственное подтверждение состояния Туссена. И увели нашего друга с собой, записав его как Вашу «вещь» в счет возмещения ущерба, который Вы, по их словам, им нанесли, якобы обманом выудив у Гражданина Маркиза деньги.

Надеюсь, мадам, что, получив это письмо, Вы скоро сможете сообщить нам, что произошло: успели ли Вы перед приездом родни крестного извлечь содержимое ящиков и спрятать или забрать с собой? Или же племянники завладели ценностями и уничтожили все свидетельства, которые могли воспрепятствовать их алчности?

Я всей душой надеюсь, что Вам удалось забрать деньги и драгоценности и что они станут для Вас неопределимым подспорьем, в какие бы ужасные обстоятельства ни ввергли Вас эти негодяи.

Не беспокойтесь за нас с Аделью. Я спрятала во внутреннем кармане юбки чулок со всеми моими сбережениями; их немного, но до Вашего возвращения должно хватить. Теперь мы живем в доме мадам Фредерик, старой гладильщицы с улицы Сент-Огюстен — помните ее? — муж которой работает в меловом карьере. Она пустила нас к себе, не требуя ни единого су. По правде сказать, Фредерики не знают, что мы в состоянии оплачивать хотя бы пропитание. Я не стала сообщать им о своем

«тайном ларчике». Поначалу мне было неловко пользоваться щедростью семейства, которое и так с трудом сводит концы с концами. Но я решила не притрагиваться к деньгам и сохранить их на крайний случай. Мы ведь сможем возместить гладильщице и ее мужу расходы и еще добавить хороший подарок, когда Вы вернетесь.

Что касается Адели — поверьте, мадам, она ни в чем не испытывает нужды. Прежде чем негодные племянники добрались до детской, мы с Соланж уложили в зеленый сундук для нашей девочки полный гардероб и любимых кукол, и я успела убедить Жан-Батиста спрятать сундук в мастерской по соседству. Позже муж мадам Фредерик помог мне его забрать и перенести к ним в дом.

Разумеется, в сундук не поместились ни лошадка-качалка, ни коляска Пупет. И я не удивлюсь, если завтра они обнаружатся у какого-нибудь старьевщика на блошином рынке.

Почему мы укрылись в доме Фредериков, спросите Вы. Да потому что никто больше не пожелал принять нас, когда алчные родственники, спешно поделив мебель, картины, серебро, карету с лошадьми и все прочее, что можно было увезти с собой, велели нам убираться. Дом, заявили они, отныне принадлежит им, у нас же нет на него никаких прав. Глупцы — они даже не знают, что дом взят в аренду: им придется платить, если они захотят оставить его себе.

Услыхав шум, мадам Фредерик вместе с другими зевачками подошла ближе — поглядеть, что происходит. Тут младший из племянников, маркиз д'Арконвиль, приподнял Адель и поставил на тротуар по другую сторону решетчатой ограды со словами: «Желаю удачи,

соплячка. Иди своей дорожкой и не вздумай больше нам попадаться».

Знаю, знаю, что стыдиться должны они, но... Какое унижение! Наша крошка, изгнанная из собственного дома у всех на глазах, как шелудивая собачонка! Дитя неполных шести лет, до сих пор знавшее лишь любовь и нежность... я бросила на молодого маркиза полный презрения взгляд и, не сдержавшись, крикнула ему в лицо: «Зверь! Стыдитесь!» Он сделал вид, что не услышал, и вернулся в дом. Я взяла Адель за руку. «Пойдем отсюда», — сказала я, показав взглядом и собственным примером, что, когда находишься среди людей, которые радуются твоему несчастью, следует идти с высоко поднятой головой — именно так учил нас поступать Гражданин Маркиз. Куда идти, я и сама не знала. Единственным утешением был чулок, набитый монетами, который при каждом шаге постукивал по моей правой ноге.

Тут мадам Фредерик подошла и погладила Деде по головке. «Идите жить ко мне, — сказала она, — пока не вернется мама этого чудесного ребенка». Вот истинное великодушие, подумала я.

Дом, где живут мадам Фредерик с мужем, невелик и небогат; нас устроили в комнатушке без окон, где места хватает только для стула да узкой железной кровати, на которой нам приходится спать тесно обнявшись, чтобы не упасть. А на обед и на ужин Фредерики не могут предложить нам ничего, кроме картофеля с селедкой. Но обращаются они с нами так любезно, что лучше и не пожелаешь.

Адель не жалуется. Она умница и понимает даже больше, чем хотелось бы. Она ни разу не спросила, почему нас выгнали из нашего собственного дома и почему

Вы не пришли на помощь. К счастью, она не видела, как стража силой оттащила Вас от смертного одра крестного и увела прочь.

Но недавно, когда она молилась на коленях перед сном, я услышала, как она тихонько шепчет: «Пожалуйста, прошу тебя, Пресвятая Дева, сделай так, чтобы мама поскорее вернулась. А ты, добрый Иисус, пошли своих ангелов на бульвар Капуцинов, чтобы они отнесли душу Гражданина Маркиза на небеса».

Как же трогательна и невинна наша девочка!

А ведь Ваш крестный столько раз объяснял ей, что он, как участник Революции, верует не в Пресвятую Деву, а в Высший Разум и в Богиню Рассудка.

Вы, верно, утомились читать такое длинное письмо. Мне и самой жжет глаза, а свечка едва горит. Заканчиваю, пока она совсем не погасла.

От души желаю Вам всего наилучшего, мадам. Дайте знать о себе как можно скорее. И не тревожьтесь за Адель. Я буду ей ангелом-хранителем и смогу защитить ее от любых бед, пусть даже ценой собственной жизни. Ведь я с самого начала Вам это обещала, помните? Когда Вы впервые дали мне ее поддержать, в тот ужасный день... Нет, не хочу сейчас об этом думать! Свеча вот-вот погаснет. Прощайте, мадам. И да ниспошлет Вам Высший Разум столько же добра, сколько его получили от Вас я, Туссен, Гражданин Маркиз и все, кто когда-либо нуждался в Вашей помощи. Да хранит Вас Богиня Рассудка вместе с Пресвятой Девой, Господом Иисусом и всеми святыми Рая.

*Ваша верная и всегда благодарная
Софи*

Глава вторая

1

Пламя вспыхнуло в последний раз, и комнатуха погрузилась в темноту. Софи нащупала стул, который служил ей письменным столом, положила на него перо, закрыла чернильницу, подула на письмо, чтобы чернила скорее высохли, — и в изнеможении упала на кровать. Она старалась не слишком прижиматься к Адели. В крохотном помещении без окон стояла духота, неподвижный воздух был пропитан влажностью.

А в тот день, когда Софи впервые входила в дом, где жила Адель, было так холодно, что ноги у нее посинели, она почти их не чувствовала. Теперь эти далекие воспоминания, хоть она их и отгоняла, выплывали из памяти, вызывая сладостное и одновременно горькое чувство.

Сладостное, потому что в тот ледяной вечер много лет назад, к великому удивлению Софи, молодая и прекрасная хозяйка дома не выставила ее вон, не отругала

за то, что замерзшая грязь с ее ног пачкает сверкающий мрамор, — нет, она подняла ее и усадила на столик в форме полумесяца, так что мокрые лохмотья соприкасались с фарфором и серебряными вазами, полными прекрасных цветов. Потом она встала перед Софи на колени, сняла с нее разбитые башмаки и в клочья изорванные чулки, все в снегу, и нежно вытерла ей ноги одной из нарядных сорочек в складочку, которые мать Софи сшила с таким трудом.

— Не беспокойся, — сказала прекрасная дама, заметив встревоженный взгляд девочки. — Лизетта постирает, и сорочка снова будет как новенькая.

Как все казалось легко в этой теплой, напоенной ароматом прихожей... а бедная вдова Фантина Гравийон в промерзшей мансарде почти без освещения прилагала столько стараний, чтобы не замарать прекрасные сорочки во время шитья! Уже целую неделю мать Софи кашляла не переставая, и каждый приступ кашля сопровождался ручейком крови или крохотными красными брызгами — прижатый к губам платок не всегда успевал их впитать.

Денег на врача не было. Да и зачем было его звать, если они и так знали, что он пропишет лекарства, питательную еду, горячее вино, шерстяные чулки, огонь в жаровне — словом, всю ту роскошь, какую мать и дочь не могли себе позволить уже целый год!

Отец Софи, пока был жив, давал им все необходимое, хотя был простым рабочим: он расстилал бумагу и крутил вал в маленькой типографии на улице Шампюанне.

Но полтора года назад, 28 июля 1830 года, Жан-Жак Гравийон погиб, расстрелянный из артиллерий-

ских орудий на баррикадах улицы Риволи. Перед своей смертью он размахивал трехцветным флагом и кричал: «Долой Бурбонов! Да здравствует Республика!»

А что еще мог сделать типографский рабочий, объясняя девочке мать, когда король-узурпатор злоупотребляет властью, распускает парламент и запрещает свободу печати? Только взбунтоваться и выйти на улицу вместе с товарищами, встав на защиту своего труда.

Газетчики тоже отказались выполнять приказ. Не смотря на запрет, газеты все равно выходили, и на первых страницах был протест. Возмущенных парижан на улицах становилось все больше, хотя на их разгон власти послали отряды солдат. Сверху, из окон, народ швырял в солдат все, что было под рукой: горшки с цветами, кастрюли, поленья... На улице ребяташки, перебегая с места на место, бросали в них камни. Когда солдаты, которых теснили со всех сторон, начали стрелять в толпу, выросли первые баррикады, а на другой день их укрепили стволами деревьев, срубленных на Больших бульварах. Чтобы остановить атаки кавалерии, землю посыпали битыми бутылками. Парижане сражались с таким мужеством, что, несмотря на потери, на третий день захватили дворец Бурбонов и Лувр. В час ночи король Карл X и его двор бежали из Парижа.

Так, благодаря отцу Софи и многим другим патриотам, сражавшимся и павшим в борьбе, которую в Париже окрестили «Тремя славными днями», прогнившая династия Бурбонов была сметена с престола и на трон воссел новый просвещенный правитель, принц Луи-Филипп Орлеанский. Свобода печати была восстановлена. Бело-красно-синий флаг Первой республики

вновь развевался над дворцом Тюильри. Поэт Виктор Гюго написал в честь сражавшихся героев трогательную «Оду к молодой Франции».

Но семьи многих мучеников, лишённые поддержки отцов и старших братьев, впали в нищету. Именно это и случилось со вдовой и дочерью Жан-Жака Гравийона.

2

Когда скромная сумма, выданная Комиссией по возмещению как милостыня матери Софи, была потрачена, им пришлось постепенно продать всю мебель, белье, лучшую одежду и переселиться из маленькой, но приличной квартирki на пятом этаже в мансарду того же дома. Фантина пыталась хоть немного заработать стиркой на несколько благополучных семейств в квартале. Стирала она во дворе, который числился за привратницей мадам Анно, и за его использование Фантине вместе с дочкой приходилось носить воду, ведро за ведром, в квартиры всех шести этажей. Работа была тяжёлая, а заработок такой скудный, что матери и дочери едва хватало на еду. Они не могли позволить себе ни огня, ни тёплой одежды; и когда наступили первые холода, мать Софи заболела.

Она так и не поправилась, хотя приступы кашля и лихорадки чередовались с краткими улучшениями — и тогда она шила дамское белье. Уж в этом она была настоящая мастерица! Да и как ещё она могла бы поправить свое положение, не имея сил выходить из дому? Им ещё повезло, что такую работу удалось раздобыть.